

# Мрибцна молодаго журналиста

№3(49)

апрель

2004



Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

«Разбирал я немца Клопштока, и не понял я премудрого: не хочу я воспеть, как он, я хочу меня чтоб поняли все от мала до великого.»

А.С. Пушкин

пшефукайхлвистъездырцьжожмоуцнчбя

Не пугайтесь. Это не компьютерный сбой и не вражеская шифровка. Это буквенный аналог музыкальной серии — тридцать три буквы алфавита, расположенные в произвольном порядке. Мы могли бы разбить их на части и составить из этих частей небольшой рассказ. Он мог бы начинаться так: «Пшэ фукайхлвис...». Думаю, тем не менее, что найдется немного охотников читать подобные литературные экзерсисы. Впрочем, серийная музыка тоже смогла завоевать не столь широкую аудиторию.

А чтобы вспомнить, как все начиналось, позвольте рассказать сказку.

Давным-давно на свете жила Модальность. Несколько нот — в какой-то момент все поняли, что их должно быть семь — собирались вместе, и любая из них могла становиться главной. Но как-то раз одна нота была признана самой главной. Ее провозгласили тоникой, и на смену Модальности пришла Тональность.

Ах, как хорошо жилось в это время! Люди пели и танцевали под музыку. Композиторы с удовольствием пользовались Тональностью — то мажором, то минором, а люди смеялись и плакали, потому что слышали

Концерт для любого артиста — всегда событие, вне зависимости от степени удачливости выступления. Артист долго готовится, репетирует, выходит на сцену, кидает взгляд в зал, и...слава Богу, не замечает ни количества публики, ни контингент — так велико волнение и так ярко освещение ослепляющих софитов. Но мы, слушатели, пришедшие на концерт, имеем достаточно времени, чтобы окинуть взором публику и понять, что через какие-то двадцать лет некому будет доставлять удовольствие исполнением произведений великих классиков.

Кто наша сегодняшняя публика? Не трудно заме-

## ОПЯТЬ ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ?

в музыке что-то очень знакомое... Но вот однажды композиторам показалось, что семь нот — это слишком мало. Тогда Тональность стала одалживать ноты у родственников и соседей.

Постепенно нот стало двенадцать, но по-прежнему все подчинялись одной. И в один прекрасный день ноты сказали: «Мы больше не хотим подчиняться!». Тонику свергли, и наступила Атональность.

Композиторы схватились за голову: как все упорядочить? Тогда они предложили нотам рассчитаться по номерам — от одного до двенадцати. Именно в таком порядке ноты и появились в произведении. А назвали все это сложным словом «додекафония», от слова «двенадцать» по-гречески.

Додекафония понравилась не всем. Люди не услышали в ней чего-то родного и огорчились. «Это не страшно, — подумали композиторы. — Это они с непривычки». Прошло полвека, а многие так и не привыкли...

Может, их плохо учили?

«Мою музыку будут петь дети».

А. Веберн

«Маленькой елочке холодно зимой...».

Дети

Многие действительно полагают, что мы просто привыкли к тональной музыке. Вот если бы нас с детства приучили к музыке додекафонной... Но как в музыкальной школе объясняют мажор и минор? В моей школе висело

две картинки: на одной — веселый гномик в оранжевом колпаке под ярким солнцем, на другой — грустный синий гном с фонариком. Утрировано, упрощенно, но вы же не начинаете изучать иностранный язык со сложных слов?

Конечно, это в какой-то мере условность: просто все знают, что мажор — это «весело», а минор — «грустно». Мы «договорились» об этом. Но ведь так же договорились называть стол «столом», а дерево — «деревом». Литература на эту «договоренность» не посягнула — вот и нет у нас «серийных рассказов».

Музыка же разрушила свой старый язык, полагая, что силами нескольких человек в одиночку можно создать новый.

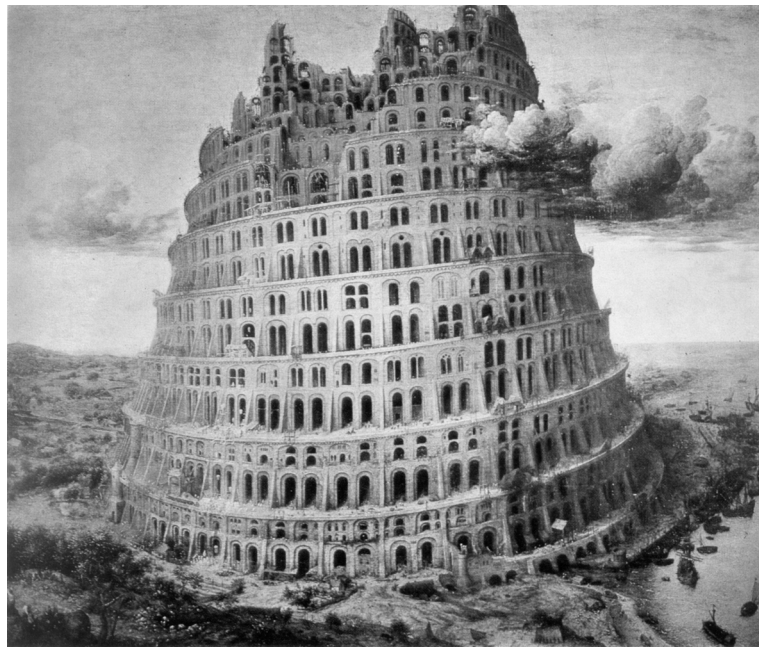
Ну и как вы объясните детям, о чем говорит серия?

«Любой язык — это алфавит символов, предполагающий, что у собеседников есть некое общее прошлое».

Х.Л. Борхес

Сегодня наука пытается объяснить закрепление определенных ассоциаций за определенными составляющими музыкального языка. Бес-

спорны две вещи. Во-первых, такие ассоциации все-таки сложились: «веселый» мажор и «грустный» минор — тому примеры. А во-вторых, сложились они не за год и даже не за век. Понадобился дли-



тельный период установления типовых элементов музыки. Это и есть наше «общее прошлое». И в слове «типовой» не может быть ничего негативного — разве не на этом основан любой язык? И разве создание музыкального языка, понятного людям, говорящим на разных языках, не величайшее достижение европейской музыки?!

Вполне очевидно, что именно тональность является фундаментом этого языка. Ведь именно основанные на тяготении в тонику интонации заставляют наше восприятие откликаться на звучание. Разрешениями неустойчивых ступеней в устой-

чивые «плачет» «Lacrimosa» Моцарта. Несокрушимым тоническим трезвучием торжествует «Gloria» Баха. С появлением атональности мы потеряли ощущение консонанса и диссонанса. Диссонанс «интереснее» для авторов. Однако музыка, состоящая в основном из диссонансов, вызывает в слушателе, у которого тональный язык заложен в генетической памяти, угнетенность и подавленность. И это не вопрос привычки: строение обертонного ряда показывает, что консонантная основа звучания более естественна.

XX век был увлечен индивидуализацией художественного языка, и не только в музыке. Но авторский стиль — это одно, а разрушение механизмов, на которых основано человеческое восприятие — уже другое. И иногда возникает вопрос: не постигнет ли нас участь строителей Вавилонской башни? Всегда ли мы понимаем то, что нам хотят сказать? Сегодня бывшие композиторы-авангардисты зачастую отказываются от додекафонной техники и чистой атональности. Люди по-прежнему хотят быть понятыми?

Мария Моисеева,  
студентка III курса

## «ЕСЛИ ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТ...»

твить, что основную часть составляют люди пенсионного возраста, достаточно значительную часть — интеллигенция в возрасте около 50-ти, ну и совсем смешное количество — это любители, в категорию которых входят также родственники, приглашенные, друзья и случайно забредшие студенты-музыканты. А куда же делись все остальные, в возрасте «до 45-ти»? Создается впечатление, что из-за того, что в залах не произошло смены поколений, наша постоянная публика незаметно, мягко говоря, «повзрослела». Поэтому, можно предполо-

жить, что через четверть века в залах на полторы тысячи мест останется жалкая горстка любителей вечного искусства.

Да, классическая инструментальная музыка в силу отсутствия визуального ряда является одним из самых сложных для восприятия искусств. Однако, раньше это никого не смущало. Люди ходили на концерты, они умели слушать и понимать звучащее. Видимо, в какой-то момент была прервана связующая нить музыкального культурного образования от старшего — младшему. Кто в этом виноват? Можно

винить кого угодно, начиная с власти и кончая растлевающим влиянием Запада, где, кстати, залы почти всегда переполнены, а исполнители получают гонорар, на который можно неплохо существовать. А может быть, все дело в неумолимо возрастающем темпе жизни, не позволяющем сделать паузу без риска остаться за бортом стремительно несущегося корабля времени.

Вероятно, публику необходимо воспитывать. С детства готовить к тому, что умеет делать весь цивилизованный мир — слушать и слышать музыку. Наиболее

восприимчивое молодое поколение необходимо научить ценить качественную музыку, которая должна стать неотъемлемой частью их жизни. Надо вырастить поколение, способное передать и привить своим детям любовь к настоящему искусству. А если продолжать бездействовать, мы рискуем в один прекрасный день обнаружить в зале никого, кроме родственников и многочисленных друзей исполнителей.

Но ведь «если звезды зажигают, значит это кому-нибудь нужно...»? Безусловно. Только эти звезды будут светить не нам.

Дарья Кузнецова,  
студентка III курса

## НАУКА И ВАНДАЛИЗМ

В Московской консерватории грянула настоящая катастрофа, вызванная закрытием так называемого ночного абоне-мента в читальном зале библиотеки. Фактически — с зимней сессии, а официально — с начала второго семестра этого года, студенты консерватории перестали получать ноты на ночь. Тем самым был нанесен поистине страшный удар по студентам, по их подготовке к экзаменам, зачетам и семинарам, и в первую очередь по студентам теоретического и композиторского факультетов.

На протяжении многих лет библиотека МГК осознавала важность того, что давал ночной абонемент всем студентам консерватории. Правила выдачи нот и книг, казалось, были предельно просты и очень выгодны: студент мог взять любое количество на одну ночь, заплатив за каждый экземпляр всего лишь по пять рублей и, при желании, на следующий день продлить еще на ночь, заплатив еще столько же. К тому же, если студент брал ноты и книги, скажем, в субботу, то за счет выходного он мог держать их два дня. Были и некоторые нюансы. Например, ноты, которые библиотекарь считал возможными выдать, но количество которых было невелико, выдавались непосредственно перед закрытием и строго оговаривалось время их возврата — обычно в 11 утра следующего дня. Подобная практика — вещь бесценная и необходимая, потому что, во-первых, у студентов была возможность более подробно ознакомиться с произведениями и книжным материалом уже после закрытия библиотеки, в домашних условиях, за инструментом, где никто не отвлекает, и знания намного легче усваиваются. Во-вторых, ночной абонемент помогал экономить время — не ездить по другим библиотекам города, не тратить часы на дорогу и регистрацию. И, в-третьих, такая льгота пресле-

довала две ключевые цели: научную (таким образом студенты могли узнать на порядок больше) и практическую (студенты могли взять эти ноты и на ксерокопирование, и на занятие в класс). В первую очередь восхваляли ночной абонемент теоретики и композиторы — как наиболее «загруженные» нотным материалом студенты, которым эта льгота приносила громадную пользу.

Однако со временем многие нерадивые, безответственные или просто забывчивые студенты (в большинстве — вокалисты и исполнители), которые наравне с теоретиками и композиторами пользовались этой доброй услугой, начали забывать правила пользования ночным абонементом и даже грубо нарушать их. Еще худшим злом стало наплевательское отношение к бесценному имуществу, а точнее — вандализм! А как иначе назвать вырванные отдельные части симфоний, сонат; оперные арии, романсы и песни?! К сожалению это делают некоторые исполнители и, прежде всего, вокалисты. Приведу доводы, подтверждающие мое мнение. Во-первых, никакой вокалист и исполнитель по ночам не поет и не играет. Во-вторых, по многочисленным вырванным ариям и романсам сразу видно, из каких произведений складывается программа многих вокалистов. В-третьих, одна ночь никакого певца не спасет. И, в-четвертых, для музыковедов и композиторов в каждом произведении есть нечто целостное, единое, они не учат только сонатное allegro, только медленную часть, только финал симфонии, сонаты или квартета; и уж тем более не учат только одну-две арии из оперы. Они просто обязаны охватить сочинение целиком — от первой до последней ноты. Следовательно, им ни к чему вырывать кусок из произведения!

Приведу два примера, невольным свидетелям которых я

оказался. Еще в бытность ночного абонемент я взял на ночь Девятую симфонию Бетховена. И не пролистал ее. А зря! Придя домой, я обнаружил, что выданный мне экземпляр не имеет скерцо и большей части финала (всем известной «Оды к радости»). А в другой раз одна вокалистка, задержавшая ноты аж на неделю (!), совершенно наглым образом отказалась заплатить штраф, кстати, мизерный. А когда Наталья Николаевна в назидание решила не возвращать нарушительнице ее читательский билет, та, едва библиотекарь отвернулась, мигом перегнулась через стойку, схватила свой читательский билет и «была с ним такова». Что тут сказать?! Проблема из художественной явно переросла в юридическую!

В результате долгое терпение библиотеки лопнуло, и ночной абонемент был закрыт. По их словам — навсегда. О чем и гласит надпись, красующаяся по сей день на стойке в читальном зале: «С 8 февраля 2004 года ночной абонемент закрыт. Выдача нот производится в читальном абонементе». Хотя все прекрасно знают, что там никто и никогда ноты и книги в таком количестве не выдает. Так вокалисты и исполнители (разумеется, не все) в прямом смысле украла у нас ночной абонемент. И теперь нам очень плохо живется, а с началом летней экзаменационной сессии станет еще хуже.

Вопрос ночного абонемент для музыковедов и композиторов стоит как никогда остро. Как же нам «грызть гранит науки» без столь существенной поддержки?! И у меня есть предложение: сделать ночной абонемент доступным исключительно для тех, кто действительно ценит его важность, бережно относится к нотам и книгам и чтит правила нашей библиотеки.

Константин Смесов,  
студент III курса

## ВЕРНИТЕ МУЗЫКУ

Получение любого высшего образования рано или поздно провоцирует у студента рассуждения типа: «Не слишком ли многому меня учат? Все ли из того, чему меня учат, мне необходимо? И вообще, чему меня учат?». Музыковедческое образование здесь не исключение. И так как подобные вопросы мучают всегда и всех, давно хочется попробовать на них ответить.

Итак. Основа обучения музыковедов — пять *макромастбных* дисциплин: три музыкально-теоретические (гармония, полифония и форма) и две музыкально-исторические (за рубежомная и отечественная истории музыки). И уже *только* их качественное и глубокое освоение с трудом уместилось бы в пятигодичный курс обучения. Однако, согласно установкам системы образования, предела человеческого (читай: студенческого) возможностям нет. К названной музыковедческой базе добавлено множество других обязательных музыкальных (а иногда околмузыкальных) и общегуманитарных (+ физкультура!) предметов, а также ряд факультативов, среди которых есть предметы весьма интересные и, иной раз, более необходимые, нежели некоторые обязательные. Но, как известно, у масштабного «основного раздела» не может быть столь же масштабного «дополнения». Такая форма неуравновешенна...

Но что же все-таки должно быть основным объектом изучения у музыковедов? Вопрос этот, при всей своей нелепости и подразумеваемом ответе «Конечно, музыка!», возникает не на пустом месте: именно *музыка* в обучении музыковедов практически нет. Как ни парадоксально это утверждение, его можно легко доказать. Достаточно провести среди музыковедов (студентов и педагогов)

некое статистическое исследование на тему «Сколько музыки вы знаете». Без сомнения, результаты окажутся крайне низкими, причем как у тех, так и у других. Особенно учитывая, что знать музыку — это не просто «угадать мотивчик» и квалифицировать его как «что-то из Моцарта». *Знать музыку* — это иметь возможность *по памяти подробно проанализировать* произведение с различных (теоретической, исторической и т.д.) позиций. А далеко не все предметы из описанного многообразия — при всем искреннем уважении к педагогам и к их дисциплинам — способствуют такому знанию музыки...

На экземпляре своей книги Виктор Павлович Варунц написал автору этих строк: «... с пожеланием успехов в самой замечательной профессии». Эти слова очень дороги не только потому, что написаны выдающимся и, к несчастью, уже ушедшим исследователем. В них — твердая убежденность в том, что деятельность музыковед (читай: любого «...веда») необходима и прекрасна. И чтобы воспитать у студентов такое отношение к своей профессии и дать им по-настоящему хорошее *музыкальное* образование, следует не забывать о первом — определяющем — слове в названии этой специальности. Пока же студентам, скорее, мешают заниматься тем, что действительно нужно — узнавать и изучать музыку. Увы, требование *вернуть музыку* в эти святые для музыканта стены — не ирония, а вынужденная необходимость!..

Существует реальная угроза того, что стремление *научить всему* может превратиться в *обучение ничему*. Предотвратить эту опасность — одна из важнейших задач любого высшего образования!

Андрей Рябуха  
студент III курса

## БИБЛИОТЕКА, ЛЮБОВЬ МОЯ...

Наша, консерваторская, библиотека по праву считается одной из лучших в музыкальном мире. Под ее сводами хранятся десятки тысяч книг, партитур и прочих музыкальных изданий. В том числе и такие издания, которые есть лишь у нас. Не только Консерватория, Москва и даже вся страна вправе гордиться такой библиотекой.

Однако для того, чтобы в полной мере оценить ее достоинства, нужно воспользоваться ее услугами. Иначе говоря, всегда иметь возможность получить нужный в данный момент материал. Ведь библиотеки для того и существуют, чтобы люди могли воспользоваться ее сокровищами. К сожалению, едва ли в консерватории найдется студент, который в нашей библиотеке не столкнулся бы с трудностями.

Так, еще не зайдя в помещение библиотеки, ты уже за-

ранее знаешь, какие издания тебе точно не выдадут. Конечно, всего библиотека и не обязана выдавать. Например, разве можно рисковать единственным экземпляром (не только у нас, но, может быть, и в стране)? Такая позиция понятна. Непонятно другое. Например, почему студентам не выдают клавиры опер, ораторий? В принципе не выдают. Библиотека, оправдываясь, заявляет, что это делается в целях сохранности изданий. Действительно, в клавирах периодически пропадают страницы (обычно — целые арии), появляются разные надписи. Но ведь подобными проделками занимаются лишь недобросовестные индивидуумы, а страдают — все. Особенно достается студентам историко-теоретического факультета,

так как они, вероятно, более всех нуждаются в подобного рода изданиях. При этом едва ли можно заподозрить студента-теоретика в вандализме — порче нот и книг. Так почему бы не разрешить выдачу клавиров — хотя бы студентам-теоретикам?

К сожалению, проблема с клавирами — не единственная, с которой сталкивается студент в нашей библиотеке. Представим себе следующую ситуацию. Студент пришел в библиотеку, заполнил требование... Нет, не на клавиру... Выстоял очередь на получение и с удивлением узнал от библиотекаря, что эти ноты или эту книгу ему не выдадут. «Почему?!» «Потому что осталось всего N экземпляров! Придет педагог и попросит их на класс» — невозмутимо от-

ветит библиотекарь. «Ну это вряд ли! Сейчас это не пройдет». «Все равно не дам». Подобные диалоги можно слышать каждый день. Предмет спора поистине удивителен. Ведь под «N экземпляров» часто понимаются просто головокругляющие цифры. Впрочем, могут сказать, что издание вовсе не выдается и без констатации причины. «Но в каталоге указано, что это можно взять на абонемент!». Библиотекарь разведет плечами.

Зачастую ради того, чтобы все это выслушать и уйти ни с чем, приходится 2-3 часа стоять в очереди. Почему? Нет, не потому что очередь так велика. По неизвестным причинам обслуживанием студентов занимается, как правило, один, редко — два библиотекаря. И

это на такое количество студентов!

Это ненормально. Подобная практика бросает тень на одну из лучших библиотек в мире!

Но все вышеперечисленные проблемы можно решить. Нужно лишь желание пойти навстречу студентам. Например, можно отредактировать каталоги, дабы студент хотя бы более точно знал, что ему выдадут, а что — нет. Проблему очередей можно решить введением системы заявок, практикуемой во многих библиотеках мира: студент пишет заявку и к указанному времени библиотекари подбирают ему заказ. Так хочется, чтобы наша библиотека была не только одной из лучших в мире, но также и самой любимой для всех студентов Московской консерватории.

Илья Никольцев,  
студент III курса